

Пленарное заседание

УДК 327.82:327.3

ГУМАНИТАРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: СООТНОШЕНИЕ ГУМАНИЗМА И НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ¹

Богатырева Ольга Николаевна
*доктор исторических наук,
профессор кафедры теории и истории
международных отношений
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

В статье показаны цели, принципы и механизмы реализации гуманитарной дипломатии, проанализированы условия для проведения эффективной гуманитарной деятельности государств. Выясняется гармонизируют или конфликтуют между собой гуманитарные и национальные интересы государств, всегда ли оправдано включение гуманитарной дипломатии во внешнюю политику государств, а также как соотносятся гуманитарная дипломатия и гуманизм как дипломатия.

Ключевые слова: дипломатия; гуманитарная дипломатия; гуманизм, гуманитарная помощь

HUMANITARIAN DIPLOMACY: CORRELATION OF HUMANISM AND NATIONAL INTERESTS

Bogatyрева Olga Nikolaevna
*PhD in history,
Chair of theory and history of International Relations
Professor, Ural Federal University
Ekaterinburg*

The article shows the goals, principles and mechanisms of implementation of humanitarian diplomacy, analyzes the conditions

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00033 «Концепция полимодальной гуманитарной дипломатии: реализация, инструменты и цивилизационные модели».

for effective humanitarian activities of States. It turns out whether the humanitarian and national interests of States harmonize or conflict with each other, whether the inclusion of humanitarian diplomacy in the foreign policy of States is always justified, and how humanitarian diplomacy and humanism as diplomacy relate.

Key words: diplomacy; humanitarian diplomacy; humanism, humanitarian aid

В условиях современных трендов мирового политическо-го развития все более заметным элементом внешней политики государств становится гуманитарная дипломатия (далее – ГД), основанная на примате прав человека и являющаяся важнейшим элементом гуманизма. В отечественном и зарубежном научном дискурсе понятие ГД не является бесспорным. Однако, несмотря на обилие формулировок можно выделить два основных подхода к понятию ГД. Первый подход основан на концепции Международного Комитета Красного Креста (МККК), в соответствии с которой ГД понимается, как действие «в интересах уязвимых слоев населения и с полным уважением основополагающих гуманитарных принципов» [4]. Цель ГД состоит в предотвращении и облегчении страданий, вызванных вооруженными конфликтами, в предоставлении помощи жертвам, пропаганде и распространении международного гуманитарного права (МГП). Подобная концепция ГД включает в себя деятельность, осуществляемую гуманитарными организациями для получения от политических и военных властей пространства для добросовестного выполнения своих функций [10, с. 1212]. В этом случае ГД не связана напрямую с внешнеполитической стратегией государства и осуществляется прежде всего в интересах уязвимых во время вооруженных конфликтов лиц.

Второй подход связан с довольно широким толкованием, сторонники которого включают в сферу ГД ведение переговоров между представителями различных культур в интересах человека; защиту уязвимых групп населения с помощью дипломатии; участие государственных и негосударственных акторов гуманитарной деятельности (с учетом все более политизированного контекста гуманитарной помощи) [13, с. 36]. ГД может осуществляться в рамках государственной политики – национальными агентства-

ми и министерствами (иностраннных дел, обороны, гражданской защиты) для реагирования на внутренние или международные чрезвычайные ситуации.

Т. В. Зонова одна из первых отечественных исследователей использовала понятие ГД в широком смысле, связав возникновение гуманитарной модели дипломатии с событиями XX в. Она сделала важный вывод о том, что ГД, провозгласившая примат прав человека, вышла за традиционные рамки правосубъектности государства, поскольку дипломатические институты взяли на себя обязательства по созданию международных организаций, способных выработать общую волю, направленную на контроль за соблюдением основных прав человека [2, с. 220].

Е. С. Громогласова проанализировала ГД с точки зрения ее эффективности в ответе на транснациональные гуманитарные вызовы, связанные с рисками полного разрушения идентичности и статуса человека в кризисных пространствах. Проблема человека рассматривается как управленческая проблема международно-политического характера. Автор концептуализирует ГД как ненасильственную составляющую внешней политики, направленную на минимизацию вызовов и на обеспечение безопасности человека как биологической и социальной формы жизни, поскольку в зонах «чрезвычайных пространств» разрушена гуманность, девальвируется жизнь человека, испытывающего лишения, нищету, голод, болезни [1, с. 54–72].

Широкий подход содержится в работах О. Ф. Русаковой и В. М. Русакова, которые полагают, что в сочетании с концепцией «soft power» теория ГД «выступает базовой моделью для совершенствования межгосударственных отношений» [5, с. 66]. Являясь синтетическим видом мягкой силы, ГД включает такие инструменты, как культурный обмен, защиту прав, свобод и достоинства человека; участие в ненасильственном разрешении политических и социальных конфликтов, миротворческую деятельность, государственную и волонтерскую помощь уязвимым лицам в условиях бедствий, войн и конфликтов [5, с. 65–66].

В рамках широкого подхода исследователи выделяют проблему соотношения гуманизма и широких национальных интересов. Так, О'Хаган указала, как важно проводить различие между ГД и гуманизмом как дипломатией того или иного государства.

Эти два фактора могут как дополнять друг друга, так и находиться в состоянии напряженности в некоторых областях [9, с. 657–658].

Государства совместно с учреждениями ООН и НПО предоставляют помощь странам, пострадавшим от стихийных бедствий; участвуют в процессах расширения гуманитарного доступа и лучшей защиты гражданских лиц в кризисных зонах, создают партнерства для обеспечения максимальной поддержки гуманитарных операций и программ. В XXI в. подобная деятельность становится значимым элементом внешней политики государств, предоставляя им возможность выразить международную эмпатию и солидарность. Однако включение ГД во внешнюю политику с одной стороны, может повысить репутацию государства и построить отношения доверия и сотрудничества, с другой стороны, может привести к конфликту из-за противоречий между гуманитарными и более широкими национальными интересами.

ГД находится на стыке двух ключевых концепций и практик мировой политики: гуманизма и дипломатии. *Гуманизм* – это концепция, касающаяся универсальной обязанности по уменьшению страданий людей, основанной на классических принципах гуманности, беспристрастности, нейтральности и независимости. Проблемы человеческих страданий необходимо решать везде, где они обнаруживаются, а цель гуманитарных действий заключается в защите жизни, здоровья и человеческого достоинства во время и после чрезвычайных ситуаций. Оказывающие помощь организации не должны вмешиваться в конфликт, а гуманитарные действия должны быть отделены от политических, экономических, военных и других целей (7).

Дипломатия, традиционно связанная с государствами, является одним из ключевых институтов международной системы, обеспечивающий важный механизм общения и переговоров между акторами. На международном уровне ГД может предусматривать лоббирование соблюдения гуманитарных принципов и поощрение их интеграции в механизмы международного управления. Так, в качестве примера можно привести разработку Женевских конвенций 1949 г., являющихся основным инструментом МГП, а также Конвенцию о статусе беженцев 1951 г. Кроме того, гуманитарные цели и практики заложены в основу учреждений ООН, таких как Мировая Продовольственная Программа, УВКБ ООН,

ВОЗ, ЮНИСЕФ. Наиболее ярким примером внедрения гуманитарных целей и практик в институты ООН является создание Управления по координации гуманитарных вопросов [12, с. 264].

Гуманитарные действия государств могут помочь восстановить напряженные отношения и укрепить доверие, сыграть важную роль в формировании национальной идентичности и ее выражения на международной арене, а также предоставить возможности для демонстрации лидерства в региональных и глобальных вопросах. В этом отношении гуманизм может выступать в качестве формы дипломатии.

Однако не всегда ГД государства совмещается с другими национальными интересами, вызывая диссонанс между ГД и более широкими дипломатическими стратегиями. Как подчеркивает О'Хаган, «гуманизм не является жизнеспособным средством для достижения широких дипломатических целей» [9, с. 663–664]. Так, дипломаты осуществляют сотрудничество в целях развития, однако по соображениям национальной безопасности могут проводить политику, включающую, например, дискриминацию в отношении иностранцев, жесткую иммиграционную политику или могут не реагировать и не вмешиваться во внутренние дела государств для предотвращения геноцида, как это было в Руанде в середине 1990-х гг.

Довольно часто государства имеют обязательства, конкурирующие с его интересами. Принципы МГП, изложенные в текстах договоров обязательны для государств – участников, которые должны воздерживаться от совершения нарушения права или поощрения нарушения, а также принимать коллективные или индивидуальные меры для прекращения нарушений. Однако ратификация конвенций МГП и международного права прав человека (МППЧ) не всегда является синонимом соблюдения. Их применение зависит от воли политических лидеров, которые могут сославшись на свой суверенитет, избежать обязательств или истолковать их по своему, как это было в Руанде или на Балканах в 1990-е гг. Так, нарушение принципов МГП и МППЧ побудило ООН принять доктрину ответственности по защите (R2P) в сентябре 2005 г. в итоговом документе Всемирного саммита.

Сохранение беспристрастности, нейтралитета и независимости становится сложной задачей в зонах конфликтов и чрезвычай-

ных ситуаций. Для достижения национальных политических интересов или интересов безопасности может потребоваться определенная согласованность и координация между сторонами конфликта. Однако если помощь предоставляется в сотрудничестве с официальными акторами, правительственными или военными субъектами – участниками конфликта, это подрывает нейтралитет и независимость субъектов, предоставляющих гуманитарную помощь, которая может предоставить преимущество одной стороне в ущерб другой. В условиях внутренних вооруженных конфликтов государство, оказывающее внешнюю гуманитарную помощь, смешивает таким образом имидж поставщика помощи и активного участника конфликта, поддерживающего одну из противоборствующих сторон. Это создает проблемы для сохранения репутации государства как нейтрального и беспристрастного актора.

Еще одна проблема проведения государствами ГД заключается в том, что гуманитарные действия могут восприниматься как противоречащие другим аспектам национальных интересов. Классическим примером такого диссонанса является противоречивая позиция современных западных государств в отношении лиц, ищущих убежища. Защита людей, спасающихся от преследований, является одним из фундаментальных элементов современной международной гуманитарной системы, что подтверждено международным режимом беженцев. О’Хаган рассматривает это противоречие на примере ГД Австралии, которая резко расходится с ее ответными действиями на незаконное прибытие по морю лиц, пытавшихся получить убежище. С 2001 г. Австралия начала принимать жесткие меры в отношении искателей убежища путем сокращения миграционной зоны и принятия специального «Тихоокеанского решения», согласно которому «искатели убежища, прибывающие в Австралию без разрешения, отправляются в специальные лагеря задержания» без рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища» [9, с. 666]. Такая политика привела к тому, что в ООН был поставлен вопрос о возможности Австралии получить место в Совете по правам человека.

Следует отметить еще одну проблему, связанную с оказанием гуманитарной помощи. После окончания Холодной войны сформировалась концепция гуманизма 2.0. В отличие от традиционной версии гуманизма, основанной на принципах гуманности,

нейтралитета, беспристрастности и независимости, сторонники новой концепции призывают занимать активную политическую позицию в отношении нарушений прав человека в странах, затронутых кризисом. Так, упомянутая выше доктрина ООН «ответственность по защите» (R2P), одобренная государствами-членами ООН, была сформулирована в рамках «гуманизма 2.0». Доктрина санкционировала военные интервенции в странах, где правительство не может защитить своих собственных граждан от массовых нарушений прав человека. Таким образом, гуманизм стал частью глобального управления, а политика оказания помощи все больше увязывается с целым рядом политических целей. Возросшее значение политических соображений при принятии решений о предоставлении помощи также увеличивает возможность манипулирования гуманитарной системой в целях достижения более широких политических целей, которые противоречат гуманитарным соображениям. Опасной тенденцией в этой ситуации является риск того, что новый гуманизм и правозащитный подход к гуманитарной деятельности может оправдывать военные действия, в частности военные кампании на Балканах, в Афганистане и Ираке. [6, с. 681; 8, с. 309–317; 11]. Переход к использованию военной силы в качестве основного инструмента разрешения конфликтов привел к формированию новой исследовательской области «дипломатии принуждения» [3, с. 36]. Указывая на уязвимость населения, находящегося в зоне конфликтов, гуманитарные операции сопровождаются военными интервенциями, в которых участвуют уже не дипломаты, а профессиональные военные структуры [2, с. 228]. Таким образом, легитимация новой нормы принудительной дипломатии способствует тому, что мир становится еще более опасным, поскольку она помогает узаконить силу как основной инструмент урегулирования споров.

Список литературы

1. Громогласова Е. С. Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования. М. : ИМЭМО РАН. 2018.
2. Зонова Т. В. Конфликты или консенсус: дипломатия как средство достижения мира // Культура толерантности: опыт ди-

пломатии для решения современных управленческих проблем. М., 2004. С. 215–241.

3. Зонова Т.В. Дипломатия принуждения. Казус Ливии // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 1. С. 35–48.

4. Политика гуманитарной дипломатии. Принята Советом управляющих в Париже в мае 2009 г. URL: <https://www.ifrc.org/en/what-we-do/humanitarian-diplomacy/humanitarian-diplomacy-policy/>

5. Русакова О. Ф. «Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии [Электронный ресурс] / О. Ф. Русакова, В. М. Русаков // Дискурс-Пи. 2017. № 1 (26). С. 61–71.

6. Chandler D. The Road to Military Humanitarianism: How the Human Rights NGOs Shaped a New Humanitarian Agenda // Human Rights Quarterly. 2001. Vol. 23. No. 3. P. 678–700.

7. Good Humanitarian Donorship. 2003. Principles and Practice of Good Humanitarian Donorship. Accessed July 12, 2016. <http://www.ghdinitiative.org/ghd/gns/principles-good-practice-of-ghd/principles-good-practice-ghd.html>

8. Macrae J. The Death of Humanitarianism? An Anatomy of the Attack // Disasters. 1998. Vol. 22, No. 4. P. 309–317.

9. O'Hagan J. Australia and the promise and the perils of humanitarian diplomacy // Australian Journal of International Affairs/ Volum 70. 2016. Issue 6: Australian Diplomacy Affairs. P. 657–669.

10. Regnier Ph. The Emerging Concept of Humanitarian Diplomacy: Identification of a Community of Practice and Prospects for International Recognition // International Review of the Red Cross. December 2011. No 93 (884). P. 1211–1237.

11. Rieff D. A Bed for the Night: Humanitarianism in Crisis. New York: Simon&Schuster, 2002. 384 p.

12. Rousseau E, Pende A. S. Humanitarian Diploma. Global Diplomacy / Ed. by. T. Balzacq et al. The Sciences Po Series in International Relations and Political Economy. 2020. P. 253–266.

13. Smith H. Humanitarian diplomacy: Theory and practice // Humanitarian Diplomacy: Practitioners and Their Craft / ed. L. Minear, H. Smith. Tokyo, New York, Paris. United Nations University Press, 2007. P. 36–62.